

ВЛАДИЛЕН ЕЛЕОНСКИЙ

Прохоровка

КРАХ «ТИГРА»

Владилен Елеонский
Прохоровка. Крах «Тигра»

«Издательские решения»

Елеонский В.

Прохоровка. Крах «Тигра» / В. Елеонский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749255-7

«Тигр» непобедим для зелёного командира танка Т-34, но есть девушка-сапёр, которая вместе со своей служебной собакой помогает ему найти уязвимое место фашистского монстра.

ISBN 978-5-44-749255-7

© Елеонский В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Жил-был Лис...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Прохоровка
Крах «Тигра»
Влащенко Елеонский**

73-й годовщине Победы в Курской битве посвящается

© Влащенко Елеонский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Да, бабушка совсем не рада:
«Управа где, и где ограда?
Врага загнать на свой насест
Кто сможет? Где твой, Миша, крест?»*
Владилен Елеонский, Прохоровка

1

Первый бой в его жизни был скоротечным. В детстве отец рассказывал, как их начальник цеха, заядлый охотник, как-то раз уложил в камышах молодых кабанов, которые колонной чинно шествовали по узкой тропе на водопой.

Кабанов было трое. Ушлый охотник душетом уложил головного и замыкающего, а тот, что был в середине, прыгнул в сторону так, словно не кабаном был вовсе, а быстроногим горным муфлоном.

Начальник потом долго сетовал, что, перезарядив ружьё, пальнул вдогонку, да не попал, — лишь посёк тростник над самым ухом шустрого пятачка. Вспоминая свой первый бой, Шилов всегда вспоминал этот рассказ отца.

Три Т-34 шли по узкой дороге колонной. Едва миновали поросший тростником взгорок, тянувшийся справа, головной танк встал, как вкопанный, и задымил.

Шилов интуитивно повёл командирский перископ вправо и увидел... его. Словно алчный, грозный и хитрый охотник, он угловатой тенью замер в перелеске.

Расстояние было метров восемьсот, не больше. Он умело прикрылся буреломом, только башня темнела, своими очертаниями она почему-то напомнила Шилову шлем Нефертити, главной жены древнеегипетского фараона, утончённое изображение которой так впечатлило его ещё в школе. Всего два года миновало с тех пор, а кажется, что прошла жизнь.

Вторым снарядом «тигр» приласкал танк Шилова. Всё закончилось бы в следующую минуту, но спас уклон дороги.

Снаряд убил радиста и механика-водителя, они даже не успели вскрикнуть. Трансмиссия была повреждена.

Подбитый Т-34, как ритуальный катафалк, медленно покатился назад, пока не упёрся кормой в танк, следовавший в колонне сзади. К тому моменту тот тоже остановился, в свою очередь поймав бортом убийственный снаряд.

Благодаря уклону, Т-34 Шилова откатился назад, взгорок прикрыл его, но «тигр» попытался достать, чтобы добить. Когда оглушённый Михаил, плохо соображая, распахнул башенный люк, высунулся по пояс наружу, чтобы вылезти на корму и осмотреть повреждение, ему показалось, что снаряд, выпущенный «тигром», прошелестел у самого виска. С тех пор прилип проклятый «шорох».

Пусть смеётся и презирает тот, кто не испытал той жути. Ужас ледяной костлявой рукой схватил за горло и запретил дышать.

Позже Шилов, как ни старался, никак не мог вспомнить, как он очутился в придорожной канаве метрах в пятидесяти от своего подбитого танка, весь покрытый густым слоем липкой вонючей жижи, которая, между прочим, спасла его от смертельных ожогов.

Шилов очнулся не от ужасающего взрыва снарядов, детонирующих в соседнем танке, не от огненного смерча, пронесшегося затем над канавой, не от отчаянного предсмертного вопля своих товарищей в головном танке, он горел, а они не могли выбраться наружу.

Шилов очнулся от своего крика, потому что был уверен, что кричит всем своим существом, до предела, до безумия напрягая все жилы: «Снаряд, снаряд!»

Михаил не сразу понял тогда, что вместо крика издаёт омерзительное шипение. Оно простекало откуда-то из самого нутра, где, как говорят старики, таится душа. Как будто крупная кобра, взявшаяся неизвестно откуда посреди весенней харьковской степи, решила с жутким шипением выползти из его горла наружу.

Ощущение было настолько ошеломляющим, диким, жутким, кошмарным, что Шилов мгновенно пришёл в себя. В следующее мгновение он увидел ужасающую картину, воцарившуюся на дороге, – три подбитых Т-34 и разбросанные вокруг изувеченные тела танкистов.

У замыкавшего колонну танка башня сорвалась с погона от взрыва. Красное пламя, словно жар из преисподней, с рёвом ринулось из отверстия наружу.

Вдруг вместо пламени Шилов увидел изумрудного дракона. Сказочная рептилия косилась на него своим умным рубиновым глазом и жадно лизала длинным красным языком мгновенно почерневший танк.

Непередаваемый холод ледяной рукой властно сжал сердце. В следующий миг Михаил потерял сознание.

2

С тех пор любой шелест или шорох мог в самый неподходящий момент вызвать припадок. Шилов сильно бледнел, слабел телом, оно немело, и становилось, как ватное.

Странная реакция мозга, которая, наверное, известна специалистам и, может быть, даже описана в медицинских справочниках, теперь стала его досадной повседневностью. Шилов, однако, никому не рассказывал о своей беде.

Он скрыл от медиков коварную контузию, поскольку теперь всё его существо охватило лишь одно желание, – снова попасть на фронт и поквитаться с проклятой Нефертити, холодной женой бездушного фараона. Пусть она выгнется всем своим гибким змеиным телом и зашипит обезумевшей вдруг коброй!

Ребята, соседи по госпитальной палате, пару раз были свидетелями Шиловского шипения, когда апрельский ветер сквозь распахнутое настезь окно вдруг шелестел сухим пожелтевшим букетом хризантем, который стоял на подоконнике, наверное, полгода, однако медсестре Шурочке было жалко его выбрасывать. Симпатичный майор-танкист, неизвестно где добывший цветы и подаривший букет Шурочке в честь своего скорого выздоровления, как видно, не выходил у неё из головы.

Шипение Шилова, последовавшее в ответ на шелест сухих хризантем, всех ввергло в смятение. Кто-то, не контролируя себя, в ужасе пулей вылетел из палаты, однако ребята, молодцы, не сдали его медперсоналу.

После приступа Михаил был вял, как сдутый после Нового года шарик, и бел, как лист высококачественной штабной бумаги из Москвы. Внимательная Шурочка как-то заметила необыкновенную бледность, покрывшую его лицо, и, конечно, спросила, что с ним.

Шилов, проявив незаурядный артистический талант, и всё для того, чтобы скрыть проклятый недуг и быстрее убежать из госпиталя, с прискорбием ответил, что у него ужасная, бросающая в глубокий обморок аллергия на засушенные хризантемы. На сердечных весах румяной, как пышка, курносой Шурочки вдруг оказались драгоценные сушёные цветы, с одной стороны, и пребывание Шилова в госпитале, с другой.

Хризантемы, несмотря на то, что были лёгкие, как пух, сухие и увядшие, тем не менее, перевесили. Через день врач-невропатолог, благодаря просьбе Шурочки в виде коричневой стеклянной бутылочки, наполненной известной жидкостью, которую Шурочка знала, как экономить не в ущерб здоровью раненых, но на пользу пошатнувшемуся душевному состоянию

невропатолога, записал в истории болезни Михаила Шилова коротко и ясно: «Практически здоров».

Получить новый танк скоро не удалось. Шилов застрял в Челябинске и даже какое-то время проработал на танковом заводе токарем, с упоением точа детали.

Наконец, новый танк был получен. Через две недели воинский эшелон, как на крыльях, получая на перегонах «зелёный свет», нёс Шилова вместе с его новеньким Т-34 с номером «двенадцать» на башне к славному городу Старый Оскол, далее была станция Прохоровка, выгрузка танка и следование своим ходом к линии фронта.

3

Шапкозакидательские настроения, царившие среди некоторых бойцов, были Шилову не по нраву. Наивный, он не видел провокации, и твердил всем ухарям, что справиться с «тигром» не так-то просто. Дело вовсе не в мощи танка, так утверждал Шилов, здесь что-то другое, необъяснимое, больше связанное с психикой, чем с толщиной брони и пробивной силой пушки.

Какой-то добрый человек донёс в особый отдел. Особист, как шепнул Шилову его механик-водитель Седов, не придавал значения, но в шутейном разговоре с замполитом бригады, с которым находился в довольно-таки тёплых отношениях, без задней мысли упомянул Шилова и со смехом привёл примеры его странноватых рассуждений. Замполит вроде бы пропустил мимо ушей, но на самом деле у него вырос зуб на Шилова – странный, корявый и острый.

Вскоре посиделки и горячие споры о качестве «тигров» и их реальной роли прекратились. Комбат попытался организовать футбольные соревнования, и Шилову, заядлому футболисту, стало не до разговоров.

Однако первоначальная волна энтузиазма скоро улеглась, – не все любили футбол так, как его любили комбат и Шилов. Вскоре мяч продолжал гонять один лишь танковый экипаж Шилова, что опять стало предметом особого неудовольствия замполита бригады.

Вот тогда-то Шилов познакомился с сержантом-сапёром Варварой Аловой. Хрупкая улыбчивая девушка имела глаза, которые, как озёра в сосновом бору, незаметно затянули Шилова на глубину так, что вырваться обратно без посторонней помощи вряд ли теперь было возможно.

Здесь нельзя не сказать ещё об одной героине нашего повествования. Чепрачного окраса, с рыжими подпалинами, подвижная как ртуть, сообразительная, как девятилетний ребёнок, с лисьей мордой, как будто знающей всё наперед, именно она познакомила Мишу Шилова с Варей Аловой.

Восточноевропейская овчарка Ласка, служебная собака Вари, любила играть в футбол. Овчарка очень скоро разведала, кто из танкистов увлекается тем же самым.

4

Ласка постоянно убегала в экипаж Шилова и так страстно гоняла мяч, что в экипаже танка под номером «двенадцать», благодаря энтузиазму овчарки, все стали заядлыми футболистами. «Ласковый Вечер», как метко заметил худосочный стрелок-радист, наступал неизменно, если прибегала Ласка. Когда она грозно ставила лапу на мяч, словно лев на ядро, вызывая на игру всех желающих, все знали, – пора!

Тогда Седов, бывший слесарь и бывалый механик-водитель с обожжённым до кости лбом, откладывал свой кисет с вышитой под золото надписью «Дорогому Дяде Танкисту», а заряжающий, видный богатырь с плечами и талией сказочного молодца из ларца, с шумом

отбрасывал чугунный башмак, которым качал и без того раскоченные до невозможности литые плечи.

Один раз экипаж заигрался до того, что не заметил, как стало смеркаться. Последовали санкции.

Комбат приказал Шилову немедленно явиться к нему вместе собакой-сапёром. Шилов повёл Ласку по траншее к блиндажу комбата, чувствуя, что сейчас получит небывалый до сего дня нагоняй.

Комбат, конечно, любил футбол, но не до такой степени. Безобразие! Ласка вместо того чтобы жить по распорядку сапёров, становилась членом Шиловского танкового экипажа.

Шилов вёл Ласку и, думая о нерадивом хозяине овчарки, представлял в мыслях некоего ленивого рыжего веснушчатого увальня, который вместо того, чтобы заниматься собакой, едва ходит, как сонная муха, и постоянно что-то жуёт.

Вдруг сухой грунт с шумом сорвался с бруствера траншеи, и «шорох», как всегда, не ко времени дал о себе знать. Танкист, сильно побледнев, опустился на дно траншеи и стал странно раскрывать рот, как будто желая что-то исторгнуть из себя.

Ему казалось, что он кричит: «Снаряд, снаряд!», но изо рта раздавалось нечто совершенно другое, – странное и пугающее. Ласка мгновенно подняла треугольники ушей, уставилась на Шилова, тихо заворчала и вдруг стала неистово лизать его белое, как мел, лицо.

За этим занятием Варя застала Ласку и Шилова. Шершавый язык Ласки волшебным образом прогнал приступ, и Михаил очень скоро пришёл в себя.

Варя сразу понравилась ему. Мало того, что она была симпатичной девушкой, она, кажется, не задирала нос, вела себя просто и искренне. Однако Шилова мучил один вопрос, – заметила ли Варя, что с ним случилось?

Наблюдательная Варя, как видно, заметила, что с Шиловым что-то не так. Она участливо предложила ему наштабь, но он решительно отказался. Всё нормально!

Узнав, что Шилов, – тот самый футболист, а Варя, – тот самый сапёр, они посмеялись от души. К лицу позеленевшего танкиста снова прилил румянец, и Варя, кажется, успокоилась.

Она тоже, оказывается, шла по вызову комбата, который пожелал познакомиться с нерадивым сапёром-инструктором служебной собаки. Почему собака постоянно убегает, где дисциплина, – вот вопросы, которые намеревался задать комбат.

Девушка и юноша мгновенно забыли, что находятся на фронте. Они оживлённо болтали до тех пор, пока речь не зашла о «тигре».

К удивлению Шилова Варя оказалась первым человеком, который не стал спорить до хрипоты и сразу согласился, что бороться с «тигром» не так-то просто. «Они не боятся людей, они боятся собак», – такая фраза прозвучала из привлекательных коралловых уст девушки, когда она заговорила о немецких танкистах.

Шилов не успел уточнить. Появился старшина батальона и погнал их к комбату.

Свидание с комбатом прошло быстро и закончилось тем, что капитан Савельев строго-настрого запретил Ласке бегать в расположение экипажа Шилова, а Варю перевёл в подчинение командира медицинского взвода лейтенанта медицинской службы Ёловой. Аргумент комбата был вполне разумен – Ласка была обучена не только танки подбивать, сбрасывая выюк с взрывчаткой под танковое днище, но также раненых с поля боя вытаскивать.

Как Варя ни упрашивала, комбат остался непреклонным. Он не собирался посылать женщин и собак против танков.

Напряжённости прибавил визит замполита. Какой шут его принёс?

Толстенький, как колобок, только не румяный, а землисто-серый, он, как всегда, устроил всем разнос.

– Ага, в футбол играете?

Сарказм замполита не знал границ. Речь лилась из его уст непрерывно, гладко, словно то самое тесто, из которого, как казалось, он был выпечен.

– Дорогие товарищи, кто «тигры» остановит? Контуженный и трясущийся в припадках Шилов с нателным крестом на груди, – подарком бабушки? Греческая богиня Варвара Алова, которая в пруду, понимаешь, голая купается, та ещё повелительница антилоп и тигров? Или, может, Рыжая бестия, – так замполит с ходу окрестил Ласку, – остановит? Безобразие, служебную собаку футбольный мяч интересует гораздо больше всего остального!

В ответ Ласка гавкнула так, что замполит от неожиданности выронил из рук свой пухлый чем-то набитый планшет и выкатился из блиндажа, изрыгая реплики, от язвительного яда которых всем стало не по себе.

– Он отходчивый, – сказал комбат, – пошумит и успокоится.
Однако, как видно, замполит не успокоился.

5

Ласка, конечно, снова убежала играть в футбол. Может быть, секрет крылся в том, что после футбола Шилов неизменно доставал из своего планшета трофейную галету и угощал ею свою рыжую любимицу. Михаил всегда берёт для собаки лакомство в планшете.

Как бы то ни было, Ласковый футбол, как его окрестили остряки-танкисты из соседних подразделений, продолжался. Похоже, запретить обаятельной овчарке играть в футбол, было также невозможно, как запретить дышать.

Варя стала приходиться за собакой, опасаясь нагоняя комбата, как она говорила, но Шилов вдруг сердцем почувствовал, что между ними растёт взаимная симпатия. Томное сладкое чувство, как предчувствие чего-то очень хорошего и радостного, охватило сердце.

Именно в этот романтический момент вдруг появилась загадка. Варя поделилась секретом и показала Шилову половнику старинной монеты. Она была изготовлена из металла, очень похожего на настоящее золото.

В своё время монета, как видно, была не очень ровно разломана пополам. Одна половинка каким-то образом оказалась у Вари.

На одной стороне половники, по всей видимости, аверсе можно было видеть затылок и плечо мужчины. Человек был в свободном одеянии, напоминавшем римскую тогу, на его голове виднелась часть лаврового венка.

На реверсе был хорошо виден средневековый германский орёл со срезанным левым крылом, – глазастый, носатый, непропорциональный, с огромными лапами, поэтому, наверное, похожий на ворона. С краю справа были выдавлены латинские буквы «FDIDE» и крест.

– Крест как у немецких фашистов.

– Не совсем так, Варя, не они его придумали. Их крест, между прочим, похож на крест Ордена тамплиеров.

– Откуда ты знаешь?

– У нас в школе учитель истории был из русских немцев. Кружок вёл, немецкий язык дополнительно изучали, поэтому я по-немецки понимаю и говорю неплохо, по крайней мере, учитель меня хвалил.

Шилов повертел странную половинку монеты в руках. Интересно, что монета имела с краю аккуратное отверстие, будто для того, чтобы её можно было носить на груди на цепочке или верёвочке.

– Неужели монета золотая? Откуда она у тебя, Варя?

– Ласка нашла.

– Где?

– Не знаю, Миша. Ласка спрятала монету в пасти. Когда я заметила, что у неё что-то есть, она, хитрюга, ещё отдавать не хотела! Где она могла подобрать такую ценную вещь, ума не приложу. Кто в нашем расположении может быть владельцем такой монеты? Что делать? Ходить и всех спрашивать, чья монета?

– Нет, так не пойдёт. Подожди, что-нибудь придумаем!

Загадка с монетой не разрешилась, но зато она ещё больше познакомила и сблизила их. Пока что следопыты могли лишь констатировать факт. После того, как Варя вернулась из блиндажа комбата в свой блиндаж, в пасти у Ласки появилась странная монета. Больше ничего установить не удалось.

Надежда на то, что между ними зреет что-то, в самом деле, настоящее, усилилась, когда Михаил стал невольным свидетелем интимной сцены.

Солнце в тот вечер зашло. Скрупулёзно сверив ориентиры на местности с картой, Михаил покинул густо поросший шиповником пологий холм и двинулся обратно в расположение батальона.

Думая о Варе, он не заметил, как невольно очутился неподалёку от скрытого в густых зарослях березняка заброшенного сельского пруда. Там часто купались девушки из медицинского взвода.

Вдруг из зарослей донёсся какой-то шум. Шилов шагнул в кусты, приподнял ветку и увидел, как Седов тащит за собой обнажённую мокрую Варю, она, как видно, только что, как древнегреческая богиня, вышла на берег из воды.

– Пойдём, Варюха! Дело предлагаю. Спирт и лежбище. Земля токарным станком дрогнет. Лови сладкие мгновенья!

– Да мы что, товарищ сержант, – животные? Отпустите меня немедленно!

Однако Седов не слушал, упрямо тащил девушку за собой. Она сгорала от стыда и возмущения.

Шилов хотел вмешаться, но в этот миг в серебристых июньских сумерках мелькнула рыжая молния. Она ударила Седова в спину, он поскользнулся на влажной глине и рухнул в береговую слизь. Варя схватила сапоги, обмундирование и со смехом убежала прочь.

Седов, как боров, валялся в грязи, скользил на покатоном склоне, никак не мог подняться, ругался, на чём свет стоит, а Ласка остервенело лизала его в грязные губы, словно вдруг решила заменить похотливому сержанту Варю.

Через несколько дней Варя с лукавой улыбкой попросила Шилова показать фотографию своей любви. Вместо фотографии любимой девушки, которой у него не было, Шилов показал аккуратно запааянную в целлофан фотографию Детского фонтана Сталинграда. Варя с недоумением уставилась на фото.

Обугленный скульптурный хоровод, который на фоне дымящихся руин Сталинграда вели дети вокруг скульптурного крокодила, проглотившего солнце, произвёл на Варю гнетущее впечатление. Шилов пояснил, что Детский фонтан предрекал гитлеровцам окружение, им придётся вернуть украденное солнце, но Варя тогда его не поняла. Она лишь успела подумать, что он, как сталинградец, наверное, сильно переживает.

Впрочем, что могла понять Варя, если сам Шилов объяснить-то ничего толком не успел. Пришёл комбат, прервал беседу и прекратил игру в футбол, которую опять, конечно, устроила Ласка. Комбат, выдав очередное китайское предупреждение, отправил Варю и Ласку к Ёловой, а разгорячённым от футбола шиловцам сообщил, что завтра, похоже, немцы, наконец, решатся и начнут наступление.

Комбат, несмотря на все призывы замполита снять Шилова с должности командира танка, успел полюбить его за твёрдость и рассудительность и не только не снял с должности, но поставил на самый ответственный участок. Задача состояла в том, чтобы не обнаружить

себя, а если вдруг немецкие танки прорвутся, пройти по склону вдоль оврага, выйти во фланг и ударить им в борт.

– Если будет невмоготу, пой «Расцветали яблони и груши».

– У меня другая песня любимая, товарищ комбат.

Лицо Шилова озарила улыбка, которую так любила его мама. Она сгорела в Сталинграде под немецкими бомбами.

Глава первая. Жил-был Лис...

*Жил-был Лис, манишкой бел,
Он хитёр, умён и смел,
Мех, как будто бы подстрижен,
Ровный, гладкий, ярко-рыжий.
Владилен Елеонский, Жил-был лис...*

1

Эрик Краузе, строгий поджарый стройный блондин с чертами лица, чем-то отдалённо напоминавшими образ известного немецкого рыцаря, благословлённого римским папой в очередной крестовый поход против «варварского Востока», нравился всем без исключения девочкам на улице провинциального немецкого городка, в котором он родился и вырос.

Первые опыты на любовном фронте показали подростку Эрику, что красивые девушки любят чёрную военную форму, и так просто идти с каким-то парнем, пусть симпатичным, но без перспектив, не желают. Дурнушки, конечно, были готовы на всё, чем Эрик беззастенчиво пользовался, едва почувствовав почти непреодолимую для любого подростка тягу к противоположному полу. Впрочем, надо сказать, что пользовался без особого энтузиазма.

По совету мудрого дядюшки Франца, способного, кажется, самого Дьявола привлечь на свою сторону и самого фюрера занять у себя дома за кружкой пива, Эрик выбрал стезю военного. Слушая рассказы дяди, бывшего танкиста, ставшего после досадного ранения интендантом в одной из провинций захваченной Франции, Эрик проявил себя в Гитлерюгенде, – молодёжной нацистской организации, – после чего, получив соответствующие рекомендации, легко поступил в танковое училище.

Мама была против военной карьеры сына. Она хотела, чтобы Эрик, как его отец, стал инженером. Сам отец о будущем сына не разговаривал, как будто такой проблемы вовсе не существовало. Он сутками пропадал на военном заводе под Аугсбургом, и в те редкие дни, когда приезжал домой, весь измочаленный и уставший, хотел только одного – свежего сала и монотонно шелестящего вороха светских разговоров ни о чем.

Без сожаления оставив свой городок, Эрик с отличием окончил танковое училище, с успехом применяя те математические способности, которые видела в нём мать, однако вовсе не в целях скорейшего освоения инженерного дела, а для мгновенного вычисления в уме нужного артиллерийского угла.

Скоро навык пригодился на Восточном фронте, когда с дальнего расстояния приходилось расстреливать многочисленные обозные колонны русских. Они часто двигались довольно шустро, и поэтому приходилось оперативно высчитывать поправки угла с учетом движения.

Способного танкиста заметили и отправили переучиваться на «тигры». Новая тяжёлая бронированная машина сразу же впечатлила Эрика своими возможностями.

Если держаться от противника на дистанции более полукилометра, можно было оставаться неуязвимым, – такова была броня нового чудо-танка. Скорость позволяла маневрировать, а пушка – бить танки русских с расстояния до двух километров, что поначалу казалось просто невероятным, но вскоре подтвердилось на поле боя.

Эрик прибыл в расположение роты тяжёлых танков, находившегося под русским городом Белгород, и был сразу же назначен командиром новенького «тигра». Учебные стрельбы прошли не очень хорошо, и Эрик решил провести «мероприятие по сплочению», которому его научил милый дядюшка Франц.

Построив экипаж перед «тигром», молодой командир заявил, что готов терпеть от членов экипажа всё, что угодно, даже пьянки и самовольные хождения по девочкам, лишь бы во время боя каждый без понуканий и напоминаний всегда сам отлично знал, что ему следует делать.

Негласный договор был скреплён бутылкой коньяка, которую на днях дядя прислал из Франции, а также весёлой пародией на русский хоровод вокруг ободранного пугала на заброшенном деревенском огороде. Инициатором хоровода неожиданно выступил стрелок-радист Гюнтер, который всегда умудрялся оставаться чумазым, даже после мытья в душе.

Юркому глазастому Гюнтеру, поначалу помешанному на цветных фотографиях обнажённых девиц, с недавних пор вдруг вклинились в голову русские хороводы. Они, кажется, будоражили его теперь гораздо больше, чем цветные голые девочки из мужских журналов. Русский хоровод надёжно вынес ему мозг подобно пуле из ствола русского пистолета ТТ.

Эрик отнёсся к новому увлечению стрелка-радиста снисходительно. Командир решил, что, по всей видимости, контузия, полученная Гюнтером в Сталинграде, не прошла бесследно.

Наводчик Макс, рыжий упитанный увалень с острыми, как у крысы, зубками угостил всех сухой колбасой, которую в невероятных количествах постоянно возил с собой, но упорно не признавался, откуда она у него.

Заряжающий Гельмут, веснушчатый детина с непропорционально маленькой по сравнению с широкими плечами головой, и массивным носом, похожим на знатную картофелину, выращенную где-нибудь на юге Саксонии, до безумия любил мясо. С пылающим взором неандертальца он притащил откуда-то свежую сырую свиную ногу. затем в два приёма не только разделал её, но также нарубил фарш для котлет, которые весь экипаж дружно слепил за пять минут.

Механик-водитель Вальтер с мертвенно-бледным лицом и раскосым кошачьим взглядом какого-то сказочного персонажа развёл на решётке угли. Если его как следует попросить, он всё делал быстро, чётко и аккуратно, но иногда мог капризничать, набивая себе цену.

Короче говоря, вечер состоялся и, кажется, спаял экипаж. По рассказам дяди Эрик знал, что теперь фронт либо мигом разорвёт спайку, показав огрехи соединения, либо усилит её и превратит экипаж в монолит. По крайней мере, прошедшие на следующий день учебные стрельбы преподнесли сюрприз, – экипаж Эрика занял первое место в роте.

До сих пор не имея в активе серьёзных столкновений с русскими танками, ведя боевой счёт лишь стрельбой по практически беззащитным колоннам, как в тире, Эрик, конечно, не представлял реальной силы русских и был очень низкого мнения об их противотанковой обороне.

Молодой немецкий лейтенант так верил фюреру и дядюшке Францу, был так уверен в близком окончании войны на Восточном фронте, что непосредственно перед началом наступления рано утром пятого июля тысяча девятьсот сорок третьего года сделал в своём дневнике следующую запись: «Операция фюрера „Цитадель“ началась! Седьмого июля кое-кто будет в Курске, но мы идём дальше. Мама, впереди – захватывающий отдых в Италии. Твои опасения были напрасны, всё хорошо!»

2

Впрочем, ход событий утром пятого июля лишь укрепил Эрика в его презрительном отношении к качеству вражеской обороны. Русские, словно кроты, хорошо врывались в землю, но запирали себя в ней и сами себя ограничивали в манёвре. Вот почему все советские подразделения без труда перемалывались по очереди.

Позиции советских дивизий, которые противостояли здесь немецкому танковому корпусу, были проломлены с одного щелчка. По-другому просто никак не могло быть. Квадрат

гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Всё, как в геометрии Эвклида. О том, что ещё существует геометрия Лобачевского, Эрик нисколько не задумывался.

Впереди шли три «тигра», за ними пылили несколько десятков более лёгких бронированных машин. Танк Эрика в тройке «тигров» шёл крайним справа.

Русские ничего не смогли противопоставить «тиграм». Лишь несколько лёгких танков были подбиты русской тяжёлой артиллерией, вот и всё сопротивление.

Основные силы пошли левее, а Эрик повернул свой «тигр» направо, чтобы проутюжить траншею и выйти на склон оврага на левом флаге русских.

Русские пехотинцы удирали с такой проворностью, какую Эрик видел впервые в жизни. Он даже подумать никогда не мог, что человек, оказывается, может с такой скоростью скользить по земле.

Разворотив блиндаж, похоже, командира русского танкового батальона, «тигр» Эрика двинулся дальше, пропуская советскую траншею между мощных широких гусениц. Всё было превосходно, пока из траншеи вдруг не поднялась какая-то чумазая русская дура в пропылённой каске с погонами сержанта сапёрных войск на хрупких плечах.

В руках дурёха держала противотанковую мину. Русская девушка-сапёр застыла на месте так, словно окаменела от одного лишь вида «тигра». Только её глаза-фары испуганно светились в пыли.

Всё сделал не так хрупкий сапёр в гимнастёрке не по размеру, смешной куцей юбке, дурацких чёрных чулках и неуклюжих громоздких сапогах! Вместо того, чтобы упасть в траншею, выждать момент, встать, подсунуть мину под самую гусеницу танка, затем снова упасть в траншею, он метнул мину на бруствер на виду у немецких танкистов и устоял на танк в упор своими бездонными глазами, словно решил одним взглядом своих глаз остановить его.

Эрик, безусловно, проучил бы русскую ведьму-недоучку. Никому не позволено кидать мины под гусеницу германского танка. Он пропустил бы глазастого сапёра между гусениц и раздавил грунтом, а мину «тигр» просто объехал бы, но... не получилось.

Всё потому, что внезапно в глубине траншеи мелькнула рыжая тень, похожая на тень овчарки с сапёрным выюком на спине. Стоп!..

Эрик не боялся русских сапёров, все их поползновения разгадать было несложно. Эрик боялся непредсказуемых русских собак, которые могли быть русскими передвижными противотанковыми минами.

Каждая такая собака несла на боках в сапёрном выюке до двенадцати килограммов тротила. Взрыв такого количества тротила мог не только подбить «тигр», он мог покалечить экипаж, чего очень не хотелось, судя по цветной фотографии очередной гибкой, как гуттаперч, обнажённой девицы. Вечером накануне наступления Гюнтер, как видно, охладев к русскому хороводу, снова листал французский мужской журнал, вырезал из него понравившуюся фотографию и прилепил её на стенку брони как раз у самого прицела своего курсового пулемёта.

Бой практически был закончен, поэтому Эрик остановил «тигр» и объявил перекур. Русскую ведьму вывели из траншеи и, сорвав с её головы каску, усадили на её мину, как на ракету для старта.

Гюнтер, как всегда, при виде симпатичной девушки превратился в шута при дворе германского императора. Он поднял с земли экипаж Эрика и повёл русский хоровод вокруг очаровательной пленницы.

Понять логику стрелка-радиста было несложно, он вознамерился соединить обнажённую натуру французского журнала с русским национальным колоритом. Русская симпатяжка в пропылённой полевой форме вдохновила его на столь странный симбиоз.

Наверное, Гюнтер решил, что стоит показать русской красивой девушке удалой русский хоровод, как она сразу начнёт раздеваться. Однако русская ведьма не только не разделась, она сидела с таким видом, как будто всё происходившее вокруг вообще никак её не касалось.

Дурашка Гюнтер не дождался симбиоза, он, наверное, плясал бы до упаду, и всех заставил бы упасть в обморок от сумасшедшей русской пляски, если бы Эрик, разбив хоровод, не прекратил, наконец, разнузданный балаган. Сам он посчитал ниже своего достоинства участвовать в нём.

3

Обломать симпатичную девушку, но не силой, а своим мужским обаянием, – вот о чём он всегда мечтал. Симпатичная девушка – русская? Ах, какая разница! Русская, немецкая. Все симпатичные девушки одинаковы!

Высокий, стройный, изящный Эрик красовался перед пленницей в своей эффектной чёрной форме. Немецкий лейтенант был настолько уверен, что предстоящее наступление будет увеселительной прогулкой, что не посчитал необходимым надеть танкистский комбинезон на повседневную форму.

В руке Эрика темнела эффектная трость. Она выглядела солидно. Тускло светил бронзовый набалдашник, отливая изображениями германских орлов на все четыре стороны света.

До встречи с русской дикаркой всё шло превосходно, ярко светило июльское солнце, русские оказались наголову разбиты, у всех немецких танкистов было отличное настроение, и не хватало лишь любви, но, тысяча зверей, Эрика опять ждало разочарование. Разговор с пленницей не клеился ни по-хорошему, ни по-плохому.

На все любезности и галантное обхождение русская упрямица отвечала «Нет!», а угроза подорвать её на mine, которую она готовила «тигру», возымела прямо противоположный эффект. Вместо того, чтобы смягчиться и уступить красивому немецкому мужчине, русская ведьма, – специалист по русским минам, умолкла и больше не проронила ни слова.

Не сказать, что она была очень уж красива, но что-то в ней было от лесной феи, таинственные глаза-озёра явственно норовили утащить в свои глубокие омуты. Пусть совсем чуть-чуть, но что-то в ней, в самом деле, было.

Тем временем терпение Эрика, а вместе с ним и галантность, улетучились, как дым. Можно не соглашаться, иметь свою точку зрения, рассуждать, – да ради Бога! Однако, зачем молчать?

Молчание взбесило Эрика и довело до белого каления. Он грубо схватил русскую молчалиницу за пыльные волосы, аккуратно подстриженные под каре, и в этот миг произошло нечто совершенно невероятное.

4

Эрик, рассвирепев, дёрнул дикарку за волосы, и на своём ломаном русском языке стал говорить ей о смысле жизни, о том, что есть хорошо, а что плохо. Если женщина ласкает мужчину, это хорошо, если нет – плохо. Что-то в этом роде!

Гюнтер восхищённо цокнул языком, его, как видно, не на шутку взбудоражило красноречие командира. Остальные танкисты мирно сидели у «тигра», курили и лишь тихонько посмеивались.

Упорство дикарки подлежало наказанию. Продолжая держать упрямицу за волосы, Эрик стал растёгивать пуговицы на её гимнастёрке.

Пора от слов переходить к делу. Он решил, что голая по пояс русская упрямица, во-первых, продемонстрирует свои прелести миру и покажет, стоит ли затевать весь сыр-бор, а,

во-вторых, в случае искреннего восхищения её неотразимой красотой, как любая скромная девушка, не вполне уверенная в своей привлекательности, растает от мужских комплиментов и, наконец, сдастся.

Однако дальше случилось такое, чего Эрик не мог себе даже вообразить. Обнажив её грудь, он внезапно увидел на шее девушки плохонькую репродукцию русской иконки Божией Матери.

Иконка, иконка, Бог с ней, с иконкой! Тем более, что не сама иконка, а всего лишь миниатюрная репродукция с неё болталась на убогой верёвочке. Эрика, как внезапным громом среди ясного неба, поразило совсем другое.

У русской дикарки на шее, помимо иконки, висела половинка монеты. Той самой монеты!

«Эрик, дорогой мой, человек покажет тебе недостающую половинку монеты, значит, это тот самый твой человек. Береги его! Он расскажет тебе много интересного и поможет сделать карьеру на Восточном фронте», – молнией пронеслись в мозгу слова дядюшки Франца.

Правда, дядя говорил о мужчине, даже называл его фамилию. Однако, кто знает, на войне всё происходит и меняется быстро. Может, Эрику вместо толстяка-мужчины решили прислать симпатичную девушку-агента?.. Весьма мудрое решение!

Эрик, глядя на половинку монеты, замер так, словно его парализовало. Неужели, в самом деле, перед ним тот самый человек? Но если русская дикарка, – тот самый человек, как объяснить её странное поведение?

Эрик невольно задумался. Может, она так ведёт себя специально, чтобы не вызвать подозрений, ведь Эрик не один, есть свидетели. За ними, между прочим, во все глаза наблюдает весь его танковый экипаж, а, возможно, и немецкие гренадёры из дальней траншеи.

Эрик стоял и не знал, что делать. Глаза русской девушки не сулили ничего хорошего. В самом деле, очень странно! Если бы девушка была тем самым агентом-связным, наверное, она сделала бы хоть какой-то намёк.

Неужели она так умело играет? Хотя, если подумать, то почему бы, в самом деле, ей не сыграть?

Речь идёт о больших секретах. Рядовым бойцам такие секреты знать не положено, именно поэтому она упорно играет перед ними роль непокорной русской пленницы. Вполне логично.

Внезапный громкий оклик «Эй, отпусти её!» прервал наскакивающие друг на друга мысли Эрика и заставил немецких танкистов резко повернуть головы. Из-за кормы «тигра», весь седой от пыли, вышел молодой худой бледный русский офицер-танкист. Его глаза были не просто пронзающими, они, казалось, хватили за горло и грызли, как клыки волка. Редко встретишь такую злобу в людях!

Страшное дело, – русский без разговоров навёл на Эрика дуло своего убийственного ТТ и точно выстрелил бы, если бы Эрик не опередил русского маньяка всего на долю секунды.

Для таких случаев Эрик носил в правом кармане форменных брюк малокалиберный «вальтер». Надёжнейший пистолет! В отличие от русского ТТ он не подводил самострелом даже с взведенным курком и патроном, загнанным в патронник.

«Вальтер» Эрика, как всегда, лежал в кармане, готовый к бою. Патрон в патроннике, а предохранитель снят, оставалось только навести ствол на цель, взвести курок и нажать на спусковой крючок, – что Эрик с успехом сделал, мгновенно, без малейшего промедления.

Времени не было, поэтому пришлось стрелять сквозь брюки. В брюках образовалось аккуратное отверстие от вылетевшей пули, но что значат брюки, когда на кону висит жизнь!

Русский танкист неуклюже взмахнул руками и упал навзничь. Пленная дикарка вдруг с отчаянным криком бросилась к нему.

– Ты не ест давайт ласка, – сказал Эрик на своём неповторимом русском языке, вынул «вальтер» из кармана, спокойно прицелился в гибкую привлекательную спину молодой русской ведьмы, но мысль о монете снова пронзила мозг, и он не выстрелил.

В этот миг в воздухе мелькнула рыжая тень. Острые зубы плотно вцепились в правое запястье и рванули руку вниз и в сторону. Слезы брызнули из глаз от боли!..

В следующее мгновение Эрик врезался носом в пыльную землю, забыв про упрямую русскую ведьму, ненормального русского танкиста и отлетевший куда-то свой сверхнадёжный «вальтер».

Эрика теперь занимало только одно – ужасающее рычание собаки, терзавшей его руку так, словно ей попалась вкусная сахарная кость, и нестерпимая острая боль в запястье, она смертоносным током пронзила всё тело. Избавление от боли стало на данный момент единственным смыслом жизни!

Гюнтер, выпучив глаза, медленно стянул с борта «тигра» МП-40 и вскинул дуло пистолета-пулемёта в сторону овчарки, терзавшей руку Эрика. Вальтер вовремя схватился за дуло и не дал Гюнтеру выпустить очередь.

– Не стреляй! Заденешь Эрика.

Гюнтер в нерешительности замер, не зная, как помочь командиру. В этот момент в довершение ко всему раздался рёв танкового двигателя.

Из-за взгорка выкатился Т-34, весь обсыпанный грунтом, как видно, после немецкой бомбёжки, непосредственно предшествовавшей наступлению немецких танков. Русский танк остановился и вдруг раскатисто выстрелил из пушки.

Фугас разорвался в пятидесяти метрах. Немецкие танкисты попадали под «тигр», как кегли, сбитые метким шаром.

5

Как же так? Всё так прекрасно складывалось, было такое превосходное героическое утро.

Великолепный «тигр» проломил вражескую оборону. Слаженный экипаж работал, как часы. Приятное общение и крепкий горячий чёрный кофе из термоса приятно ласкали немецкий мозг.

Пара удачных выстрелов по русским позициям вызвала у танкистов оживление, как у стрелков в тире, а разбегающиеся веером, словно тараканы, русские пехотинцы, рассмешили до слёз. Русские клоуны, честное слово!

Всё было сегодня, всё, о чём только может мечтать солдат Рейха. Или нет, – почти всё...

Ощущение праздника, безусловно, усилили бы французский шоколад с французским коньяком и немного дикие, но искренние ласки обнажённой русской ведьмы, узнавшей, наконец, кто они есть, на самом деле, – истинные германские солдаты!

Здесь случилась осечка, от которой Эрика взяла оторопь. Впервые за всё пребывание на Восточном фронте у лейтенанта Панцерваффе Эрика Краузе как-то нехорошо заныло в груди, словно от недоброго предчувствия, однако в мистику Эрик не верил, не такого он был склада ума.

Не так скоро, как хотелось, но Эрик всё-таки пришёл в себя, весь щедро обсыпанный белгородской землёй, как, впрочем, и остальные члены его экипажа. Правая рука не действовала, она страшно вздулась и стала лиловой, как та спелая слива на ветке в саду у бабушки в детстве.

Эрик схватил свой бинокль левой рукой и увидел удаляющийся Т-34. Русский танк медленно полз к оврагу, словно тяжело тащил по земле беременное брюхо, до него было не более двухсот шагов.

Тем не менее, когда экипаж по команде Эрика занял свои места в «тигре», приник к ячейкам снарядов, приборам наблюдения, оптике пушки и прицелу пулемёта, Т-34 успел исчез-

нуть в овраге. Русская повелительница мин, русский бешеный танкист и русская собака-тень со смертоносным выюком на спине, скорее всего, укрылись в этом проклятом танке, значит, его надо догнать и поджечь, как соломенное чучело в Вальпургиеву ночь.

Пусть русские гномы вздрогнут в своих подземных пещерах, когда «тигр» ударит в броню русского танка из своей восьмидесятивосьмимиллиметровой пушки! Если у русских, конечно, вообще водятся в земле гномы.

Когда «тигр» выехал на гребень оврага, Т-34 заметно прибавил скорость. Он ходко резал воды ручья, извивавшегося на дне оврага, как шустрый бронированный катер.

Расстояние в пятьсот метров не должно было смутить никого. Удар снаряда, выпущенный из пушки «тигра» в корму, гарантированно поджёт бы Т-34.

Однако в момент прицеливания русский танк сманеврировал, обходя валун. Немецкий снаряд попал в валун и расколол его надвое. Пока Гельмут вгонял новый снаряд в канал пушечного ствола, Т-34 исчез за очередным изгибом оврага.

Эрик вышел из себя и стал ругаться. Нервозность передалась Вальтеру, он неосмотрительно повёл «тигр» по склону оврага, чтобы быстрее выйти на новую позицию.

Всё произошло быстро и незаметно. «Тигр» сел в удивительную русскую глину по самые борта.

Проклиная всё и вся, немецкие танкисты вылезли из танка. Теперь без помощи тягача никак не выбраться.

6

Эрик запросил по радиации помощь, а своим танкистам приказал привести себя в порядок. Свободного времени теперь навалом, а солнце ещё высоко.

Расстелив на берегу ручья опознавательный танковый брезент с чёрной свастикой в белом круге, которым обычно накрывали корму, когда бомбила немецкая авиация, чтобы лётчики не сбросили бомбы на своих, танкисты перекусили, перекурили, сыграли пару раз в картишки, и, наконец, решили постирать форму, забившуюся пылью после неожиданного разрыва русского фугаса.

Обычную стирку Гюнтер снова умудрился превратить в пивной фестиваль. Он толкнул в голый жирный зад Макса, и тот рухнул в ручей.

Тогда Гюнтера стал топить Вальтер, а Вальтера – Гельмут. Эрик лежал в трусах на брезенте, курил и лениво размышлял о том, откуда маленький, как вошь, Гюнтер берёт силы на свои дурацкие проделки.

В конце концов, Гюнтера стали топить все разом, и он жалобно попросил помощи. Эрик положил недоеденную галету в свой командирский планшет, который лежал на брезенте, стрельнул окурком французской сигареты в воздух и прыгнул в ручей наводить порядок.

Командир вмиг оседлал дебелую тушу наводчика Макса. Вонзив свои острые пятки в его мягкие бёдра, он предложил немедленно догнать Т-34, поскакав галопом по руслу ручья.

Горилла Гельмут вскочил на гнома Гюнтера, тот, конечно, не удержался на ногах, Гельмут рухнул на Эрика и сбил его с Макса. Началась такая возня, что ручей снова превратился в грязную лужу, словно по нему снова только что промчался Т-34.

В этот миг прибыл тягач, и запыхавшиеся немецкие голые парни в мокрых трусах, хохоча, выползли на берег. Эрик даже забыл о своей опухшей руке и, кажется, начал думать, что день, такой противоречивый и контрастный, ближе к вечеру всё-таки удался. Сейчас их вытянет тягач, они придут в расположение своей роты и продолжат победоносное наступление.

– Э, парни, а где мой планшет?

Встревоженный крик Эрика разнёсся над взбаламученной поверхностью русского ручья и недоумённо повис в воздухе. Танкисты в растерянности стали искать планшет командира, но его нигде не было видно.

Судорожные поиски в течение часа ничего не дали. Тягач давно вытянул «тигр» на твёрдое место, а планшет Эрика не находился. С горьким чувством в груди Эрик вдруг понял, что день пятого июля тысяча девятьсот сорок третьего года он не забудет никогда!

7

Комбат Савельев верил в Шилова, но бой прошёл совсем не так, как предполагалось. Рано утром с воем навалились Ю-87.

Немецкие штурмовики непрерывно пикировали, ювелирно точно кидали бомбы и едва не задевали головы советских бойцов своими неубирающимися шасси с обтекателями, чем-то похожими на лапти, за что остряки прозвали их «лаптёжниками».

Всего лишь одно слово, но какое! Как оно действует? Не хуже бомб.

Сознание того, что бомбит какой-то «лаптёжник», какой бы ужасной ни была бомбёжка, вдруг давало необъяснимое моральное превосходство и вызывало лишь насмешку над всеми замысловатыми потугами врага убить тебя, уничтожить, смешать с землёй, превратить в сажу и пепел.

«Лаптёжники» улетели только тогда, когда на советские позиции двинулась танковая армада. Не успели прекратить падать бомбы и бить снаряды тяжёлой артиллерии, как ударили танковые пушки.

Согласно указанию комбата Шилову не следовало открывать огонь раньше времени, однако, огонь от бомб «юнкерсов» с воздуха и тяжёлых артиллерийских снарядов с земли был настолько плотным, что Шилов при всём желании не смог бы, не то, что выстрелить, – даже прицелиться.

Заряжающий не выдержал и с криком «Похоронят!» выскочил из танка под бомбы и снаряды. В руках у Шилова остался лишь его сапог, за который он успел схватить, чтобы остановить труса.

Если вдуматься, то человека охватывала вовсе не трусость, как таковая, когда дрожишь от страха. Нет!

Всё нутро выворачивало наизнанку вполне естественное и потому почти непреодолимое желание прекратить нестерпимую муку. Пусть смерть, лишь бы прекратился леденящий ужас, от которого волосы двадцатилетних парней вмиг становились седыми.

Когда чуть позже Шилов вылез из танка, он не нашёл от своего заряжающего ни кровинки, ни былинки, ни нитки, ни кусочка, бац, и точка, – нет человека, как будто никогда не было. Тогда Шилов, сам не зная, почему так сделал, бросил в воронку от бомбы сапог, который продолжал машинально сжимать в руке, и присыпал его землёй.

Шальная болванка от дальнобойного немецкого орудия скользнула по брустверу капо-нира, в котором был укрыт Т-34 Шилова, ударила под углом в лоб танка справа, как раз там, где сидел на своём месте радист, и отскочила. Броню не пробила, но от удара болванки броневые осколки внутри танка разошлись веером над головами механика-водителя и радиста.

Седову смерть в виде одного из броневых осколков приветливо помахала ручкой, мол, до скорых встреч, а радиста забрала с собой. Его убило осколком брони, который вошёл между бровей так, что даже следа практически не оставил.

Никакого боя в полном смысле слова не случилось. Немецкие танки прорвались на позиции и стали деловито утюжить траншеи, а Шилов и Седов, хоть и остались живы, никак не могли прийти в себя после артиллерийской и бомбовой подготовки немцев.

Седов, стреляный воробей, первый опомнился и заметил «тигр», который, подставив борт, утюжил траншеей в трёхстах метрах от капонира Шилова. Оставалось только навести пушку и выстрелить.

Шилов припал к оптике пушки. «Тигр» вдруг резко остановился, как вкопанный.

С его гусениц густым потоком хлынул сухой грунт. Шилов как будто услышал этот мерзкий шорох от сыплющегося грунта.

Несмотря на то, что Михаил смотрел всего лишь в оптику, впечатление было настолько явственным, что с ним снова случился «шорох». Он упал плечом на стенку башни и зашипел, как будто отчаянно пытаясь исторгнуть из себя мучивший его недуг.

Напрасно Седов кричал и умолял командира, тот не слышал. «Тигр» тем временем развернулся, снова став лбом по направлению к танку Шилова.

Седов похолодел, но фашистский монстр вдруг замер на месте. Возле «тигра» началась какая-то возня, немецкие танкисты зачем-то вылезли из танка.

Седов не знал о «шорохе» Шилова. Однако, как боец со стажем, как-никак механиком-водителем в Т-34 с августа сорок первого года, он мгновенно сообразил, что у Шилова, похоже, контузия.

Бывалый Седов сочно выругался по своему, по-седовски, а в седовской нецензурной ругани главными персонажами были болт и гайка, и Шилов вдруг, как будто под воздействием магического заговора, пришёл в себя.

Командир приказал механику-водителю совершить манёвр, о котором говорил комбат. Сметливый Седов ловко и незаметно вывел бронированную машину из капонира, под прикрытием гребня возвышенности спустился к оврагу, ходко прошёл по склону, хотя местами едва не увяз в глине, и вышел «тигру» точно в борт.

Тем временем Шилов, выбравшись из башни, успел похоронить сапог заряжающего и незаметно подобраться к немецким танкистам. Оставалось перешёлкать их в упор из ТТ, но он вдруг увидел Варю.

Стройный немецкий блондин в ладно подогнанной танкистской чёрной форме, светя в лучах бледного от гари солнца бронзовым набалдашником трости, правой рукой таскал Варю за волосы, а она стояла перед ним на коленях и молчала.

Вид Вари был настолько неожиданным, что Шилов вместо того, чтобы стрелять, обнаружил себя, крикнул что-то несурзное блондину, а тот в отличие от Шилова, среагировал мгновенно и, сунув правую руку в карман брюк, выстрелил.

Дальше Шилов помнил всё плохо. Голова мотнулась от скользнувшей по черепу пули. Он упал, где-то далеко, словно в другом измерении, услышал истошный крик Вари, потом грозно зарычала собака, загалдели по-своему немецкие танкисты, сзади недовольно фыркнул мотором милый Т-34, раздался выстрел родной пушки и метрах в пятидесяти грозно рванул фугас.

Затем всё стихло, погрузилось в странную мертвящую тишину, и только тихий голос Вари, который показался ему таким близким, родным и волнующим, вдруг сказал удивительно проникновенным шёпотом в самое ухо:

– Миша, жив? Потерпи, я вытащу тебя отсюда. Слышишь? Дорогой мой...

8

Седов, как все явственно осознали чуть позже, сделал всё возможное и невозможное. Каким-то чудом он ужом ускользнул из-под огня «тигра». Повезло Шилову с механиком-водителем!

Всё потому, что Седов ещё до войны успел три года отслужить в армии по рабоче-крестьянскому призыву, служил на Дальнем Востоке, участвовал в заварухе с японцами, был меха-

ником-водителем на БТ-7, а в августе сорок первого года, сев за рычаги Т-34, сразу же попал в гущу боёв под Киевом.

«Тигр» стрелял вслед, но Седову удалось убежать по дну оврага. Т-34 показал все свои самые лучшие ходовые качества. Фашистский зверь, похоже, отстал.

Остановив танк в прибрежных высоких зарослях сухого тростника, экипаж стал подсчитывать прибитки и потери. Прибитки с убытками рядом живут.

Погиб радист, его похоронили здесь же, у ручья. Заряжающий сбежал, от него даже горсточка пепла не осталось, один лишь сапог.

Немецкая пуля оцарапала Шилову лоб у виска, скользнув по кости черепа. Он пребывал в странном сумеречном состоянии и думал лишь об одном, – как бы опять не начался «шорох».

Прибыток – Варя Алова. Она проворно довела Шилова до Т-34, помогла забраться в люк, сама села рядом с ослабевшим командиром на место заряжающего.

Пока немецкие танкисты приходили в себя после взрыва фугаса, а Седов ударил, так ударил, едва не похоронил фугасом всех, в том числе и Варю с Шиловым, удалось развернуться и уйти в овраг. Седов владел Т-34 так, словно вёл вовсе не бронированную машину в тридцать тонн весом, а всего лишь мотоцикл с коляской.

Варя держалась мужественно, можно смело сказать, что она вынесла Шилова на себе из-под огня, но когда всё закончилось, похоронили радиста и выпили по глотку спирта из фляжки запасливого Седова, девушка к великому удивлению танкистов вдруг горько разрыдалась.

Из её лепета ребята поняли одно. Варя не знала, что делать. Рации на танке нет, из оврага нос не высунуть, а Ласка куда-то пропала!

Слово за слово, Седов говорить умел, грубо, зато верно. Мол, если бы не лейтенант, горел бы сейчас «тигр» за милую душу. Шилов, – кисейная барышня, – в самый интересный момент в обморок завалился, хорошо, что не обмочился.

Короче говоря, назрел конфликт. Шилов, скорее всего, не сдержался бы, опустился до драки с подчинённым, но в этот самый момент неизвестно откуда появилась взмыленная Ласка. Она выглядела так, словно за какой-то час обернулась вокруг многострадального земного шара.

Словно дичь, схваченную на охоте, умная овчарка держала в зубах планшет с бронзовой бляхой, на которой был выдавлен распластаный германский орёл со свастикой.

Шилов осторожно взял планшет из пасти. Хитрая собака села перед Михаилом и стала тихо, но нетерпеливо повизгивать.

Седов и Варя застыли рядом, удивлённо приоткрыв рты. Конечно, Варя очень обрадовалась появлению Ласки, но, увидев немецкий планшет в зубах дорогой собаки, она неимоверным усилием воли заставила себя сдержать несвоевременное излияние чувств.

Шилов откинул крышку планшета, на него лихо глянули вставленные в ячейки разноцветные карандаши. Лейтенант быстро проверил содержимое.

Планшет состоял из трёх отделений, имелся также вытяжной компас на ремешке. В первом отделении хранились таблицы расчёта артиллерийской стрельбы. Во втором, предназначенном, по всей видимости, для блокнотов, вместо таковых лежала надкусанная вкусно пахнущая галета.

Ласка взвизгнула так многозначительно, что теперь только круглый идиот не смог бы понять ту причину, по которой она стащила планшет. Шилов кинул собаке галету. Ласка поймала её налету, сдавила челюстями и, не жуя, мгновенно проглотила.

Варя кинулась к собаке. Последовавшая затем бурная сцена любви не поддаётся какому-либо описанию.

В третьем отделении под плотным целлофаном хранилась карта, вся испещрённая условными обозначениями, номерами немецких воинских частей и стрелками, то расходящимися

в стороны, то сходящимися в районе станции Прохоровка. Вверху справа крупными немецкими буквами было отпечатано «Absolut geheim».

Шилов вытянул карту из отделения планшета, и вдруг на землю упала плотная фотокарточка, видимо, она была спрятана под картой. Шилов потянулся за фотографией, а Седов, воспользовавшись моментом, ловко выхватил из его руки немецкую карту.

Михаил поднял фотографию, на ней была изображена приятная и в чём-то совершенно типичная немецкая фрау с округлым лицом, светлыми аккуратно подстриженными волосами, тщательно выщипанными бровями и правильным подбородком. С лёгкой едва заметной улыбкой на чётко очерченных губах она смотрела твёрдо и прямо своими пронизательными, добрыми, но уставшими глазами, словно ночь накануне фотосъёмки выдалась тревожной.

Шилов перевернул фотокарточку, на её оборотной стороне на немецком языке, который он неплохо знал, округлым женским почерком было старательно выведено следующее: «Моему самому благородному и любимому мужчине, дорогому сыну Эрику в День Матери на память! Твои двенадцать белых роз, дорогой мой, я буду хранить до твоего возвращения» и дата «13/05/1942».

Шилов в лёгком смятении засунул фотографию обратно в планшет. Какое-то странное тягучее чувство подступило к горлу и глазам. Нефертити, представлявшаяся ему бездушным холодным бронированным монстром с гусеницами, башней и пушкой, оказывается, тоже имела что-то похожее на человеческое сердце!

– Везёт тебе, лейтенант, – сказал Седов, возвращая карту. – Совершенно секретная немецкая карта. Особист тебя за неё в обе щёки расцелует и в баньку пригласит спиритиком побаловаться. Двигаем на Прохоровку. Я прусскую мудрёную породу знаю. Карта вполне определённо подсказывает. Вначале они демонстративно ломают на Обоянь, затем скрытно просачиваются к Прохоровке.

Седов вдруг заметил что-то, нагнулся и поднял с земли какую-то вещицу. Он с удивлением уставился на сильно истёртую репродукцию Самарской Иконы Божией Матери.

– Икона сия прославлена с тысяча семьсот тридцать шестого года, – сказал по слогам Седов, с трудом разбирая подпорченный текст.

Варя услышала Седова и вдруг сильно вздрогнула. Оставив Ласку, она шагнула к сержанту, выхватила репродукцию у него из руки, спрятала её в случайно расстегнувшийся нагрудный карман гимнастёрки и тщательно застегнула его на металлическую пуговицу.

Седов, глядя в её внезапно вспыхнувшее лицо, насмешливо покачал головой.

– Эх, Варюха, верующая ты моя комсомолка, слушай меня внимательно. Если прорвёмся к нашим, икону спрячь. Замполит узнает, – съест! Мало тебе неприятностей?

– Скорее, я его в печи поджарю. Сырой похотливый колобок!

– Почему так?

– Есть кое-какие основания полагать.

– Поделишься?

– Женщины мужчинам такое не рассказывают.

– В чём проблема?.. Представь, что я твоя красивая закадычная подруга!

– Вы?.. Какой вы хитрый, товарищ сержант! Вы достаточно показали, какая вы девушка и красивая подруга. Нет, не скажу!

9

Надо было найти и прикончить русского кабана, но потеря планшета выбила Эрика из колеи. Ему вдруг стало не до охоты на дерзкого русского танкиста.

В планшете хранилась важная секретная оперативная карта. Эрик был обязан доложить о пропаже, что он сразу же сделал, немедленно связавшись по радиации с командованием.

Командир роты тяжёлых танков мгновенно назначил служебное расследование, а Эрику приказал ожидать в ближайшей русской деревне. Всё логично, другого поворота Эрик не предполагал.

Разыгралась июльская жара. Эрик пил холодное козье молоко прямо из русского погреба и с удовольствием загорал под жарким солнцем в одних трусах на брезенте, расстелив его на корме «тигра», в то время как остальной экипаж, изнывая от жары, плескался у потемневшего от времени колодезного сруба.

Монотонное ожидание окончания служебного расследования нарушил командир разведгруппы Курт Валленштайн, с которым Эрик сразу подружился, едва прибыв на Курский выступ под Белгород.

С разведчиком было приятно общаться. Любезный Курт был человеком дела.

Узнав историю Эрика с русским кабаном и планшетом, Курт навёл справки по рации и выяснил, что в тылу орудует русский танк с номером «двенадцать» на башне, и маршрут его в принципе несложно вычислить. Эрик мог бы поквитаться с русским танком и реабилитироваться в глазах командования.

– Прекрасная идея, Курт! Ставлю канистру французского коньяка, если ты дашь мне координаты русского кабана, и они подтвердятся.

– Эрик, он кружит поблизости в камышах, как видно, никак не может проскользнуть сквозь расположение наших войск. Я сообщу тебе по рации координаты, и ты сможешь его легко перехватить. Мой позывной – Черепаха ноль девять.

– Я – Мамонт двадцать один. Удачной охоты, Курт!

Разведчик нырнул в свой пятнистый полугусеничный бронетранспортёр и укатил. Эрик потёр лиловое запястье, оно всё ещё сильно ныло.

Стиснув зубы от досады, лейтенант откинулся на спину и, шурясь, посмотрел на клонившееся к закату солнце. Вместо солнечного диска глаза Эрика вдруг чётко, как на киноплёнке, увидели болезненно-бледное лицо русского танкиста, так дерзко вторгшегося в его беззаботную жизнь, запрограммированную лишь на одно – лёгкий, как дыхание взаимной страсти, успех и сладкую, как губы вошедшей в раж красивой девушки, победу.

Эрик оттопырил большой палец вверх и вытянул указательный палец правой руки вперёд, изображая пистолет. Лейтенант поднял дуло своего импровизированного оружия и дерзко прицелился им прямо в центр пылающего жаром солнечного диска.

Вдруг мозг снова больно пронзила мысль о монете. У Эрика опять испортилось настроение.

10

Седов оказался, как всегда, прав. По секретной немецкой карте можно было легко сориентироваться и просочиться на стыке немецких воинских частей, по возможности, не вступая в бой.

Направление на станцию Прохоровка, которое предложил Седов, выглядело вполне логичным. В самом деле, судя по карте, немцы видели Прохоровку в качестве узлового пункта, ключа, так сказать, к замку от задней калитки города Курска.

Противник планировал удар якобы в стороне от Прохоровки, гораздо западнее, но затем, судя по всему, рассчитывал быстро развернуться частью отборных сил, неожиданно ударить на восток, проломить советскую оборону, захватить Прохоровку и покатиться, как по накатанной дороге, вначале к Курску, а затем дальше, дальше, дальше, окончательно забирая инициативу у Красной Армии.

Захват Прохоровки одновременно решал множество задач.

Во-первых, прорывалась последняя серьёзная линия советской обороны.

Во-вторых, от станции Прохоровка на Курск в тылу советских войск шла прекрасная железная дорога. По ней можно было с комфортом прибыть в Курск, а комфорт и всемерное использование технических средств немцы обожали, тем более, что тяжеленным «тиграм» для быстрого передвижения требовалась железная дорога. Любой глубокий ручей мог остановить их движение.

В-третьих, на станции Прохоровка хранилось значительное количество продовольствия и боеприпасов, что лишало советские войска ресурсов, передавая их в то же самое время в распоряжение наступающих немецких частей.

Внимательно разглядывая карту, Шилов всё больше и больше понимал замысел противника. Он снова, в который раз удивился тому, как Седов, не имея командирского, так сказать, образования, сумел всё так быстро, точно и верно оценить. Гений, самородок, да и только.

Поначалу всё шло, как по маслу. Пройдя просёлочными дорогами, они столкнулись с каким-то тыловым взводом немцев.

Раздав немецкую полевую кухню, Т-34 поддел лобовыми траками комфортабельный передвижной вагончик, который оказался душевой. Дверцы вагончика распахнулись, и голые намыленные немецкие мужские тела посыпались в дорожную пыль.

Никакого сопротивления не было, – лишь ужас, изумление и отчаянный галдёж. Затем, чтобы обойти крупный населённый пункт, свернули на рокадную дорогу и неожиданно столкнулись с немецкой колонной, состоявшей из трёх грузовиков.

Водитель головного грузовика, видимо, принял Т-34 за свой, что было совсем неудивительно. У немцев на этом участке фронта имелись трофейные танки Т-34. Колонна, не чувствуя опасности, спокойно пылила навстречу.

Седов притормозил. Шилов ударил фугасом по машине, замыкавшей колонну. Тяжёлый грузовой «опель» взлетел в воздух так, словно был сделан из пятнистого картона.

Колонна мгновенно развалилась. Оставшиеся целыми грузовики съехали в кювет, Варя поливала из курсового пулемёта немецких солдат. Они шустро скакали по земле, словно сухие горошины, рассыпавшиеся на столе по недосмотру рассеянной хозяйки.

Седов врубил скорость, и танк на полном ходу прошёл сквозь разгромленную вражескую колонну. Снова пророскочили!

Рейд казался успешным, расчёт верным. Ласка, повизгивая, с удовольствием уплетала трофейную свиную тушенку.

Варя очаровательно смеялась, глядя на довольную овчарку, а Седов с Шиловым даже перестали ругаться. Однако сюрпризы ожидали впереди.

Первым сигналом судьбы стал горбатый немецкий биплан-разведчик, который бешеной осой пронёсся так низко над дорогой, что, казалось, хотел агрессивно ударить башню несущегося Т-34 колесами своего неубирающегося шасси. Шилов в сердцах распахнул башенный люк и выстрелил вслед наглецу из трофейного австрийского карабина, который подобрал на дороге после штурма передвижной немецкой бани.

Второй звоночек прозвенел, когда тридцатисемимиллиметровая немецкая противотанковая пушка едва не прошла Т-34 своим снарядом насквозь. То ли скорость была приличная, то ли Седов случайно стал подправлять танк, короче говоря, выстрел в упор из пушки по русскому танку для немецких артиллеристов оказался последним.

Снаряд не пробил броню, а лишь скользнул по ней, как нож по замороженному маслу. Седов сразу заметил опасность. Хорошо замаскированная ветвями берёзы пушка стояла недалеко от обочины за небольшим пологим взгорком.

Сержант мастерски бросил танк на цель. Т-34, как на крыльях, взлетел на взгорок и в следующий миг всей массой прихлопнул пушку гусеницами и днищем.

– Плохо, лейтенант! Нас, кажется, ждали. Теперь днём двигаться нельзя, только ночью.

– Пройдём село Киселёво и где-нибудь в овраге заночуем.

– Чует моё сердце, затаиться надо, но что с тобой говорить, лейтенант. Бесплезно! Говорю тебе, нас вычислили. Нельзя сейчас так передвигаться. Нельзя! Срочно в укрытие. Давай, вон, в тот лесок, там кустарник густой и грунт хороший, твёрдый, не увязнем. Слышишь, лейтенант?

– Нет, только зря время потеряем, сержант. Вперёд! Надо успеть сегодня пройти как можно больше и ночью выйти к нашим.

– Смотри, лейтенант, смотри, не слушаешь меня. Пожалеешь, да поздно будет!

11

Курт сработал превосходно. Вот что значит точный склад ума, как у математика. Всё прошло, как нотам гениального Рихарда Вагнера.

Курт вычислил пункт перехвата – село со странным названием «Kiselevo». Русский кабан нёсся, как угорелый, не подозревая, что за ним давно следят.

Эрик выбрал предельно логичную и правильную позицию, – на холме у каменного остова заброшенной мельницы, кстати, судя по конструкции и немецким буквам, выдавленным на крепких красных кирпичах, принадлежавшей до большевистской революции немцу.

Отсюда открывался превосходный обзор на белгородские холмы и рощи, в то же время сам «тигр» был скрыт углом мельницы и вишнёвым садом, вернее, тем, что от него теперь осталось.

Пушка «тигра» могла поразить русский Т-34 на расстоянии до двух километров. Куда бы русский кабан ни пошёл, – на само село Kiselevo или в обход, везде его ждал сюрприз – восьмидесятывосьмимиллиметровый бронебойный снаряд.

Русский командир не блеснул оригинальностью. Когда закат окрасил верхушки дальних рощ алой краской, Т-34 появился в окулярах командирского бинокля Эрика. Русский танк свернул с дороги, чтобы не проходить через улицы села, и понёсся по полю, вдоль околицы, как будто скорость могла его спасти.

– По полю шурует, как по дороге, – с завистью сказал Вальтер, – с удовольствием пересел бы на Т-34! А, Макс?

– У Макса зад в башню Т-34 не влезет, – сказал с хохотком Гюнтер, – пусть меньше жрёт колбасу!

Эрик отпихнул Макса от пушечной оптики, тщательно прицелился, взял упреждение и выстрелил. Снаряд должен был поразить цель, по крайней мере, до этого всегда поражал, но, как видно, механик-водитель у русского командира был явно не из простаков.

Хитрец вёл танк «ёлочкой», едва заметно скользя то влево, то вправо. Когда Эрик сообразил, в чём хитрость, у Т-34 не осталось ни единого шанса.

Вдруг сверкнула рыжая тень. Эрик на миг опешил, глядя в превосходную оптику, сквозь которую можно было заметить даже лёгкую щербинку на броне цели.

Из люка механика-водителя выскочила русская овчарка, она очень похожа на немецкую, но не такая лохматая. Собака стрелой пронеслась по неширокому лугу и скрылась за сельской околицей, утопавшей в кустах.

Эрик хотел нажать на спуск, но вдруг увидел глазастую русскую ведьму. Ту самую! Она выскочила из люка механика-водителя и бросилась бегом вслед за собакой. Русский танк резко снизил скорость, по всей видимости, опасаясь раздавить девушку.

Эрик хмыкнул и нажал лбом на спуск пушки. Снаряд прошил башню. Танк ещё какое-то время проехал по полю и остановился, как вкопанный, над его корпусом вверх поднялась сизая струйка лёгкого дыма.

Готов!.. Теперь надо подобраться к Т-34 и проверить его. Может быть, именно та собака, которая выскочила из танка, стащила планшет?.. Маловероятно, но проверить надо. Кроме того, Эрика не оставляла мысль о русской ведьме с половинкой заветной монеты на шее.

Как всегда, в самый неподходящий момент «тигр» закапризничал, словно младенец, которому за последние несколько часов уделяли слишком мало внимания и, о, ужас, не кормили грудью. Правое ведущее колесо отказалось вращать гусеницу.

Эрик хорошо знал, что сейчас будет. Вальтер, конечно же, начнёт долго и основательно копаться в трансмиссии. Невыносимо долго!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.